

Л. Андреев

Анатэма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Л11

Л11 **Л. Андреев**
Анатэма / Л. Андреев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-2182-1

Писатель, прозаик и драматург Леонид Николаевич Андреев - один из самых ярких представителей Серебряного века русской литературы. Его грустные, трогательные, пронзительные, глубокие произведения учат милосердию, состраданию и доброте.

ISBN 978-5-4241-2182-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л. Андреев, 2021

Леонид Андреев
Анатэма
Трагическое представление в
семи картинах

Лица, участвующие в представлении

Некто, ограждающий входы.

Анатэма.

Давид Лейзер.

Сура, его жена.

Наум и Роза, их дети.

торговцы:

Иван Бескрайний

Сонка Цитрон

Пурикес

Учитель танцев.

Молодой господин.

Бледный господин.

бедняки:

Шарманщик

Странник

Абрам Хессин

Плачущая женщина

Женщина с ребенком

Пьяный

Девочка от Сонки

Дейбке

Музыканты, слепые и народ.

Первая картина

Сцена представляет собою пустынную, дикую местность, как бы склон некоей горы, поднимающейся в беспредельную высь. В глубине сцены, на половине горы, стоят огромные, железные, наглухо закрытые врата, знаменующие собою предел умопостигаемого мира. За железными вратами, угнетающими землю своею неимоверной тяжестью, в безмолвии и тайне, обитает начало всякого бытия, Великий Разум вселенной.

У подножия врат, тяжело оперишись на длинный меч, в полной неподвижности стоит Некто, ограждающий входы. Облаченный в широкие одежды, в неподвижности складок и изломов своих подобные камню, он скрывает лицо свое под темным покрывалом и сам являет собою величайшую тайну. Единый мыслимый, един он предстоит земле; стоящий на грани двух миров, он двойственен своим составом: по виду человек, по сущности он дух. Посредник двух миров, он словно щит огромный, собирающий все стрелы, – все взоры, все мольбы, все чаяния, укоры и хулы. Носитель двух начал, он облакает речь свою в безмолвие, подобное безмолвию самих железных врат, и в человеческое слово.

Среди камней, озираясь пугливо и дико, показывается Анатэма – так именуется Некто, преданный закланию. Припадая к серым камням, сам серый, осторожный и гибкий, как змея, отыскивающая нору, он тихо крадется к Некому, ограждающему входы, мечтая поразить его ударом неожиданным. Но сам пугается дерзости своей и, вскочив на ноги, смеется вызывающе и злобно. Затем присаживается на камне, с видом свободным и независимым, и бросает маленькие камешки к ногам Некогого, ограждающего входы, – хитрый, он скрывает свой страх под личиной насмешки и легкой дерзости. При слабом свете, сером и бесцветном, голова преданного закланию кажется огромной: особенно велик его высокий куполообразный лоб, изрезанный морщинами бесплодных дум и неразрешимых, извека поставленных вопросов. Реденькая бородка Анатэмы совершенно седа; побелены сединою и его волосы, некогда черные как смоль, теперь же серыми, дикими лохмами вздымающиеся на голове его. Беспокойный в движениях, он тщетно пытается скрыть вечно пожирающую его тревогу и торопливость, лишенную цели. И, соревнуя бессильно-гордой неподвижности Некогого, ограждающего входы, он затихает на мгновение в позе гордого величия, но уже в следующую минуту, в мучительной погоне за вечно ускользающим, он мечется в безмолвных корчах, как червь под ятаюю. И в вопросах своих он быстр и яростен, как вихрь, черпающий силу и ярость в круговращении своем; но, увлекая малые предметы, он распадается бессильно перед лицом молчания.

Анатэма. Ты все еще здесь на страже? А я думал, что ты ушел, – ведь и у цепной собаки есть минуты, когда она отдыхает или спит, хотя бы конурою служил ей целый мир, а господином – вечность! И разве боится воров вечность? Но не гневайся; как добрый друг пришел я к тебе и молю покорно: открой на мгновение тяжелые врата и дай заглянуть мне в вечность. Ты не смеешь? Но, быть может, разошлись от старости могучие врата, и в узенькую щель, никого не тревожа, сможет заглянуть несчастный, честный Анатэма – укажи ее знаком. Тихонько, на брюхе, я подползу, взгляну – и уползу обратно, и он не будет знать.

А я буду знать и стану богом, стану богом, стану богом! Так давно уже мне хочется стать богом – и разве плохой бы я был бог? Смотри. *(Становится в надменную позу, но тотчас же хохочет. Затем спокойно, поджав ноги, усаживается на плоском камне и бросает игральные кости. Бормочет как бы про себя, но настолько громко, чтобы его слышал Некто, ограждающий входы.)* Не хочешь – не надо – драться я не стану. Разве я за этим пришел сюда? Просто я гулял по миру и совершенно случайно забрел сюда, – мне нечего делать, и я гуляю. А вот теперь я сыграно в кости, – мне нечего делать, и я сыграно в кости. Будь бы не так важен он, я пригласил бы и его, – но он слишком горд, слишком горд и не понимает удовольствия игры.

Шесть, восемь, двадцать – верно. У дьявола всегда верно, даже когда он играет честно... Давид Лейзер... Давид Лейзер... *(Обращаясь к Некому, ограждающему входы, развязно.)* Ты не знаешь ли Давида Лейзера? Вероятно, нет. Это старый, больной и глупый еврей, которого никто не знает, и даже твой господин забыл о нем. Так говорит Давид Лейзер, и я не могу ему не верить: он глупый, но честный человек. Это его я выиграл сейчас в кости – ты видел: шесть, восемь, двадцать. Однажды на берегу моря я встретил Давида Лейзера, когда он допрашивал волны, о чем жалуются они; и он мне понравился. Глупый, но честный человек, и если его хорошенько просмолить и зажечь, то выйдет недурной факел для моего праздника. *(Болтая с притворной развязностью, тихонько перебирается на ближайший к Некому камень.)* Никто не знает Давида Лейзера, а я сделаю его славным, я сделаю его могущественным и великим – очень возможно, что даже бессмертному я сделаю его. Ты не веришь? Никто не верит мудрому Анатэму, даже говорящему правду, – а кто же любит правду больше, нежели Анатэма? Не ты ли? Молчаливый пес, грабитель, украшавший истину у мира, железом заградивший входы! *(Яростно бросается на Некого, ограждающего входы, и с визгом ужаса и боли отступает перед грозной неподвижностью его. И ноет жалобно, припадая серой грудью к серому камню.)* Ах, у дьявола седые волосы! Плачьте, возлюбившие Анатэму, стенайте и горюйте, стремящиеся к истине, почитающие ум, – у Анатэмы седые волосы! Кто поможет сыну хари, – он одинок во вселенной. Зачем, великий, ты напугал так бесстрашного Анатэму – он не хотел тебя ударить, он только приблизиться хотел. Можно подойти к тебе, скажи? *(Некто, ограждающий входы, молчит, но Анатэме слышится что-то в его молчании. Вытянув змеиную шею, он кричит страстно.)* Громче, громче! Молчишь ты или говоришь, я не понимаю? У преданного заклятию тонкий слух, и в твоём молчании он улавливает тени каких-то слов; смутное движение мысли он чувствует в неподвижности твоей – но он не понимает. Говоришь ты или молчишь? Сказал ли ты: «подойди», или мне только послышалось это?

Некто, ограждающий входы. Подойди.

Анатэма. Ты сказал. Но я не смею подойти.

Некто. Подойди.

Анатэма. Я боюсь! *(Нерешительно, зигзагообразными движениями подбигается к Некому, ложится на брюхо и ползет, стеноя от тоски и страха.)* Ах, я князь тьмы, я мудрый, я сильный, и видишь, я ползу на брюхе, как собака. И это потому, что я люблю тебя и край твоих одежд поцеловать хочу. Но отчего же так болит мое старое сердце, скажи, всезнающий.

Некто, ограждающий входы. У преданного заклятию нет сердца.

Анатэма (*подвигаясь*). Да, да, у преданного заклитию нет сердца, его грудь нема и неподвижна, как серый камень, который не дышит. О, будь у Анатэмы сердце, ты давно убил бы его страданиями, как убиваешь глупого человека. Но у Анатэмы есть ум, ищущий правды, ничем не защищенный от твоих ударов, пощади его... Вот я у ног твоих, открой мне твоё лицо. Только на мгновение, короткое, как блеск молний, открой мне лицо твоё. (*Раболепно жмется у ног Некогого, ограждающего входы, не смея, однако, коснуться его одежд. Тщетно старается опустить глаза, бегающие быстро, заглядывающие, острые, сверкающие, как угли под серым пеплом. Некто молчит, и Анатэма продолжает свои бесплодные и настойчивые мольбы.*) Не хочешь? Тогда назови мне имя того, кто за воротами. Тихим голосом назови его, и никто не услышит, и только я буду знать, мудрый Анатэма, тоскующий об истине. Не правда ли, что из семи букв состоит оно? Или из шести? Или из одной? Скажи. Только одна буква – и ты спасешь преданного заклитию от вечных мук, и тебя благословит земля, которую раздираю я когтями. Зачем кричать? Ты скажешь тихо, тихо, только вздохнешь ты, и я уже пойму и благословлю тебя... Скажи.

(*Некто молчит, и Анатэма после некоторого колебания, полного ярости, медленно отползает, с каждым шагом становясь все смелее.*) Это неправда, что я люблю тебя... Это неправда, что я хотел поцеловать край твоих одежд...

Мне жаль тебя, если ты поверил: мне просто нечего делать, и я гуляю по миру... Мне нечего делать, и я расспрашиваю встречных о том о сем, о чем я знаю сам... Я знаю все! (*Встает, встряхивается, как собака, вылезшая из воды, и, выбрав камень повыше, становится на него в надменно-актерской позе.*) Я знаю все. Мудрый, я проник в смысл всех вещей, мне ведомы законы чисел, и книга судеб открыта мне. Единым взором я объёмлю жизнь, я ось в кругу времен, вращающемся быстро. Я велик, я могуч, я бессмертен, и во власть мне отдан человек. Кто посмеет бороться с дьяволом? Сильных я убиваю, слабых я заставляю кружиться в пьяном танце – в безумном танце – в дьявольском танце! Я отравил все источники жизни, на всех ее путях устроил я засады, – разве не доходит до тебя голос прокливающих? – изнемогающих под бременем зла? – дерзающих бесплодно? – тоскующих бесконечно и страшно?

Некто, ограждающий входы. Я слышу.

Анатэма (*хохочет*). Имя! Назови имя! Освети путь дьяволу и человеку.

Все в мире хочет добра – и не знает, где найти его, все в мире хочет жизни – и встречает только смерть. Имя! Назови имя добра, назови имя вечной жизни! Я жду.

Некто, ограждающий входы. Нет имени у того, о чем ты спрашиваешь, Анатэма. Нет числа, которым можно исчислить, нет меры, которою можно измерить, нет весов, которыми можно взвесить то, о чем ты спрашиваешь, Анатэма. Всякий, сказавший слово: любовь, – солгал. Всякий, сказавший слово: разум, – солгал. И даже тот, кто произнес имя: бог, – солгал ложью последней и страшной. Ибо нет числа – нет меры – нет весов – нет имени у того, о чем ты спрашиваешь, Анатэма.

Анатэма. Куда мне идти? Скажи.

Некто. Куда идешь.

Анатэма. Что мне делать? Скажи.

Некто. Что делаешь.

Анатэма. Безмолвием ты говоришь – пойму ли я язык безмолвия твоего?
Скажи.

Некто. Никогда. Мое лицо открыто-но ты его не видишь. Моя речь громка – но ты ее не слышишь. Мои веления ясны – но ты их не знаешь, Анатэма. И не увидишь никогда – и не услышишь никогда – и не узнаешь никогда, Анатэма – несчастный дух, бессмертный в числах, вечно живой в мере и весах, но еще не родившийся для жизни.

Анатэма (*терзаясь*). Никогда?

Некто. Никогда.

Анатэма соскакивает с камня и мечется безумно, пожираемый тоскою.

Припадая к камням, он обнимает их нежно и отталкивает с гневом; стелет горько. Обращает лицо свое к западу и востоку, северу и югу земли, потрясает руками, как бы призывая ее к гневу и мести. Но безмолвны серые камни, молчит запад и восток, молчит юг и север земли, и в грозной неподвижности, тяжело опершись на меч, стоит **Некто, ограждающий входы.**

Анатэма. Восстань, земля! Восстань, земля! И препояшься мечом, человек! Не будет мира между тобою и небом, жилищем мрака и смерти становится земля, и князь тьмы воцаряется над нею – отныне и навсегда. К тебе иду я, Давид. Твою печальную жизнь, как камень из пращи, метну я в гордое небо – и дрогнут основы высоких небес. Раб мой, Давид: твоими устами возведу я правду о судьбе человека. (*Обращается к Некому, ограждающему входы.*) А ты!.. (*Умолкает стыдливо, смущенный безмолвием. Потягивается лениво, как бы от скуки, и бормочет, но настолько громко, чтобы его слышал Некто.*) Впрочем, разве я не гуляю оттого, что мне нечего делать? Был здесь, а теперь пойду туда, – разве мало путей у веселого дьявола, любящего здоровый смех и беззаботную шутку. Шесть... это значит, что я приношу Давиду богатство, которого он не ждал. Восемь... это значит, что Давид Лейзер исцеляет больных и воскрешает мертвых. Двадцать – верно! Это значит... Это значит, что мы с Давидом приходим благодарить, с Давидом Лейзером... Я ухожу.

Анатэма удаляется.

Тишина. Безмолвны камни, безмолвны глухие врата, подавляющие землю безмерной тяжестью своею, безмолвен застывший, окаменевший страж. Тишина.

Но не шаги ли Анатэмы разбудили тревожное, гулкое эхо? Раз, два – идет кто-то тяжелый. Раз, два – грузно ступает кто-то тяжелый; шаг один, а идущих много; молчит идущий – а уже дрожит тишина и зыблется безмолвие.

Мгновение звуковой тревоги, бессилия и трепетных порывов. Сразу загорается безмолвие желтыми высокими огнями: то где-то внизу, в невидимой земной дали меднозвонким, бунтующим криком кричат длинные трубы, которые несут в высоко приподнятых руках: ибо к земле и небу обращен их призывный, мятежный вопль.

Раз, два – теперь уже ясно, что это движется толпа: ее чудовищный голос, ее слитно-раздельные вопли, шумливая и бурная речь; и на низинах ее, в лабиринте ломаных и темных переходов, зарождается первый, отчетливый звук, скорее слово, скорее имя: « Да-а-ви-и-ид ». Вычерчивается резче, поднимается выше, и уже над головами плывет оно на крыльях медных воплей, на тяжелых ударах переступающих ног.

– Да-а-ви-и-д. Да-а-ви-ид. Да-а-ви-и-д.

Сливается в аккорды. Становится песней миллионов.

Завывают трубы – звоном звенят медные, хрипом хрипят уставшие – зовут.

Слышит ли их Некто, ограждающий входы? Покрылись стонами серые камни – к ногам поднимаются страстные вопли – но неподвижен Страж, но безмолвен Страж, и немые железные врата. Грохочет бездна.

Единым ударом, раскалывающим землю, обрывается рев медный и крик – и из обломков, как ключ из скалы, разбитой молнией, выбивается нежная, певуче-светлая мелодия.

Смолкает.

Безмолвие. Неподвижность. И ожидание – и ожидание.

Занавес

Вторая картина

На юге, летний знойный полдень. Широкая дорога на выезде из большого людного города. Начинаясь от левого угла сцены, дорога наискось пересекает ее и в глубине круто заворачивает вправо. Два высоких, старинной постройки, каменных столба, оббитых и покосившихся, обозначают границу города. По эту сторону городской черты, у правого столба, заброшенная, старая, когда-то желтая караульня, с обвалившейся штукатуркой и наглухо забитыми окнами; по краям же дороги несколько маленьких, сколоченных из дрянного леса лавчонок, отделенных друг от друга узенькими проходами, – в отчаянной, бессильной борьбе за существование лавчонки.bestолково налезают одна на другую.

Торгуют они всякою мелочью: леденцами, семечками, дрянно колбасой, се-ледками; у каждой небольшой грязный прилавок, сквозь который эффектно проходит труба с двумя кранами – из одного течет содовая вода, стакан стоит копейка, из другого – сельтерская. Одна из лавчонок принадлежит Давиду Лейзеру, остальные – греку Пурикесу, молодой еврейке Сонке Цитрон и русскому Ивану Бескрайнему, который, помимо торговли, чинит также обувь и заливает колоши; он же единственный торгует «настоящим боярским» квасом.

Солнце жжет беспощадно, и несколько небольших деревьев со свернувшимися от жары листьями тоскуют о дожде; и безлюдно на пыльной дороге. За столбами, где дорога сворачивает вправо, высокий обрыв – куда-то вниз сбегает пыльные кроны редких деревьев. И, охватывая весь горизонт, дымно-синюю полосу раскинулось море и спит глубоко в зное и солнечном блеске. У своей лавчонки сидит Сура, жена Давида Лейзера, старая еврейка, измученная жизнью. Чинит какие-то лохмотья и скучно переговаривается с другими торговца-ми.

Сура. Никто не покупает. Никто не пьет содовой воды, никто не покупает семечек и прекрасных леденцов, которые сами тают во рту.

Пурикес (как эхо). Никто не покупает.

Сура. Можно подумать, что все люди умерли только для того, чтобы ничего не покупать. Можно подумать, что во всем мире мы только одни с нашими магази-нами – во всем мире только одни.

Пурикес (как эхо). Только одни.

Бескрайний. Солнце сожгло покупателей – одни торговцы остались.

Молчание. Слышен тихий плач Сонки.

Ты, Сонка, купила вчера курицу. Разве ты убила кого-нибудь или ограбила, что можешь покупать кур? И если ты такая богатая и прячешь деньги, то зачем ты торгуешь и мешаешь нам жить? Пурикес (как эхо). Мешаешь нам жить.

Бескрайний. Сонка, я тебя спрашиваю – правда, что ты вчера купила курицу? Не лги, я знаю это от достоверных людей.

Сонка молчит и плачет.

Сура. Когда еврей покупает курицу, то или еврей болен, или курица больна. У Сонки Цитрон умирает сын; вчера он начал умирать и сегодня кончит – он живучий мальчик и умирает долго.

Бескрайний. Зачем же она пришла сюда, если у нее умирает сын?

Сура. Затем, что нужно торговать.

Пурикес. Нужно торговать.

Сонка плачет.

Сура. Вчера мы не кушали, ждали сегодняшнего дня, и сегодня мы не будем кушать в ожидании, что наступит завтра и принесет нам покупателей и счастье. Счастье! Кто знает, что такое счастье? Все люди равны перед богом, а один торгует на две копейки, другой же на тридцать. И один всегда на тридцать, а другой всегда на две, и никто не знает, за что дается счастье человеку.

Бескрайний. Прежде я торговал на тридцать, а теперь торгую на две.

Прежде у меня не было боярского кваса, теперь же есть боярский квас, а торгую я на две копейки. Счастье переменчиво.

Пурикес. Счастье переменчиво.

Сура. Вчера пришел сын мой Наум и спрашивает: «Мама, где отец?» И я ему сказала: «Зачем тебе знать, где отец? Давид Лейзер, твой отец, больной и несчастный человек, который скоро должен умереть; и он ходит на берег моря, чтобы в одиночестве беседовать с богом о своей судьбе. Не тревожь отца, он скоро должен умереть, – лучше мне скажи, что хочешь сказать». И так ответил Наум: «Так вот что я говорю тебе, мама, – я начинаю умирать, мама!»

Так ответил Наум. Когда же вернулся Давид Лейзер, мой старый муж, я сказала ему: «Ты все еще тверд в непорочности твоей? Похули бога и умри. Ибо уже начинает умирать сын твой Наум».

Сонка плачет сильнее.

Пурикес (*вдруг озирается испуганно*). А что... А что, если люди совсем перестанут покупать?

Сура (*пугаясь*). Как совсем?

Пурикес (*с возрастающим страхом*). Так, вдруг люди совсем перестанут покупать. Что же нам делать тогда?

Бескрайний (*тревожно*). Как это может быть, чтобы люди совсем перестали покупать? Этого не может быть!

Сура. Этого не может быть.

Пурикес. Нет, может быть! Вдруг все перестанут покупать.

Все охвачены ужасом; даже Сонка перестала плакать и, бледная, озирает испуганными черными глазами пустынную дорогу. Беспощадно жжет солнце.

Вдали, на повороте, показывается Анатэма.

Сура. Покупатель!

Пурикес. Покупатель!

Сонка. Покупатель! (*Снова плачет.*)

Анатэма подходит ближе. На нем, несмотря на жару, черный сюртук из тонкого сукна, черный цилиндр, черные перчатки; только белеет галстук, придавая всему костюму вид торжественности и крайней благопристойности. Он высок ростом и, при седых волосах, строен и прям. Лицо преданного закланию серовато-смуглого цвета, очертаний строгих и по-своему красивых; когда Анатэма снимает цилиндр, открывается огромный лоб, изрезанный морщинами, и несоизмеренно большая голова с исчерна-седыми вздыбившимися волосами. Столь же уродливой чертою, как и чудовищно большой лоб, является шея Анатэмы:

жилистая и крепкая, она слишком тонка и длинна, и в нервных подергиваниях и изгибах своих носит голову, как тяжесть, делает ее странно-любопытной, беспокойной и опасной.